

второй части обрамления, 71 абзац, 812 иктов, т. е. средняя длина абзаца 11,4 икта (примерно как четверостишие). Преобладают амфибрахические зачины абзацев — 36, дактилических 29, анапестических 6; по одному зачину с утяжелениями на первом слоге можно было бы добавить к дактилическим. Рассказ моряка заканчивается лозунгом, записанным как стихи или разделенный моностих 4Д:

«Слава погибшим!

„Живущим — свобода!...» [7, с. 8].

Андрею Белому была известна биография Гершуни. Это он бежал из Сибири в бочке из-под капусты, как террорист Дудкин в «Петербурге». Вероятно, знал Белый и «балладу» «Разрушенный мол». И не она ли натолкнула Белого на мысль о метризации не отдельных фраз или небольших отрезков произведения, как сам он до сих пор делал, а целого произведения?

Но первое произведение 900-х годов, пронизанное метризованной прозой, появилось совершенно независимо ни от Горького, ни от Белого, ни от Гершуни. В 1900 г. в Харькове вышла юмористическая книжка (около 130 маленьких страничек) «По рельсам и по шпалам!...» некоего И. Д. Арского, видимо, дилетанта. Эта «поэма в прозе» от первого лица повествовала о многочисленных комических злоключениях героя-чиновника по пути к новому месту службы в город Ново-Захолустинск. Почти каждая страница книжки содержит двусложниковую метризацию, где-то немного, а где-то едва ли не всю страницу. Метризация здесь выполняет роль своего рода антидраматизации, «псевдоповышения» стиля.

Арский иногда пытается преодолеть расчлененность, неизбежную для двусложниковой организации метра, т. е. сознательно отталкивается от стихов, вытягивает метр, пока получается, в единую цепочку стоп (в цитате обозначаются черточками все-таки возникшие «стыки» или «перепады»): «Дело в том, что совершенно неожиданно, внезапно, /а главное, совсем помимо нашей воли/ и нашего желания, мы, пассажиры, вместе, с нашими узлами, чемоданами, взлетели вдруг на воздух, к потолку вагона, /перемешались, перепутались, не раз столкнулись друг с другом/ и с нашими летающими саквояжами и, наконец, все вместе, кучей, грохнувшись о пол, нестройно оглашая воздух хором стонков и проклятий...» [9, с. 106]. Однако, несмотря на правильность метра («столкнулись»), его здесь можно уловить практически только при скандировании, а с использованием особенно длинных слов, т. е. обильного пиррихирования, автор сам с него сбивается — в речи носильщика № 8915: «— Да, тоись, Ново-Захолустинский-то поезд... Беспременно даже опоздает, потому — дорога больно уж неосновательная, узкая дорога... /Ну, и того... и опоздает,— как не опоздать: теперича, примерно, взять Товаро-Пассажиро-/ Ноголомательную (перебой.— С. К.) дороги,— уж на что же лучше, /дороги будем говорить, первеющие, а и то не один (переквентация.— С. К.), почитай, без опоздания не приходит, ну, а тут, известно уж,— узкоколейная...» [9, с. 72—73].

При такой длине периодов теряется ощущение четно- или нечетноударности, и метр звучит как обыкновеннейшая проза. В этом разгадка того факта, что если в стихе трехсложников и дольников гораздо меньше, чем двусложников, то в метризованной прозе наоборот: расчлененная двусложниковая проза слишком похожа на обычный стих, а нерасчлененная слишком похожа на обычную прозу. Это делает ее недостаточно самостоятельной формой, потому она и не очень нужна.

Типичный образчик «повышающей» стиль двусложниковой прозы — поэма Горького «Человек», напечатанная в 1904 г. В октябре 1903 г. Горький писал о ней К. П. Пятницкому: «На неровности ритма — не обращайтесь внимания, если они не очень уж резко режут слух. У меня не было намерения писать ритмической прозой, вышло это неожиданно, будучи, видимо, вызвано самим сюжетом.